

Теоретическое обоснование проведения исследований по вопросу ограничений средств мобильной связи и иных средств коммуникации как альтернативы лишению свободы

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
v_lapshin@ugrasu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ХОХРИН

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия,
s_hohrin@ugrasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0900-1195>

Реферат

Введение: статья посвящена поиску действительных альтернатив лишению свободы – наказанию, которое остается основой всей системы установления и реализации уголовной ответственности. Процессы цифровой трансформации общества оказывают значительное влияние на особенности реализации прав, свобод и законных интересов личности, а также формируют новые «цифровые права» каждого человека. Поэтому нельзя исключать, что в обществе цифровой трансформации физическое ограничение в пространстве будет не так болезненно восприниматься преступником, как лишение или ограничение возможности доступа к сетевым ресурсам, посредством которых будет осуществляться реализация подавляющего большинства прав и законных интересов, возможности выполнения работ или оказания услуг в дистанционном режиме. *Методы:* сравнительно-правовой, эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы контент-анализа и толкования правовых норм. *Результаты:* анализ позволяет сделать вывод, что уже сейчас для человека в возрасте до 25 лет информационно-телекоммуникационные средства и технологии играют весьма важную роль во всех без исключения сферах жизнедеятельности. Даже ограничение времени пользования указанными средствами воспринимается участниками эксперимента крайне болезненно. *Целью* данной работы является оценка значимости информационно-коммуникационных технологий, интернет-ресурсов и иных средств цифровой коммуникации. *Выводы:* отмечается перспективность поиска альтернативы физической изоляции осужденного от общества в области лишения/ограничения доступа к информационно-телекоммуникационным средствам связи, цифровым сервисам и иным цифровым ресурсам обеспечения реализации прав, свобод и законных интересов личности.

Ключевые слова: гуманизация уголовного законодательства; альтернативы лишению свободы; цифровая трансформация общества; цифровые средства реализации прав, свобод и законных интересов; сферы жизнедеятельности человека; социальный эксперимент; модель цифрового наказания.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Лапшин В. Ф., Хохрин С. А. Теоретическое обоснование проведения исследований по вопросу ограничений средств мобильной связи и иных средств коммуникации как альтернативы лишению свободы // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19, № 3 (71). С. 270–277. doi 10.46741/2686-9764.2025.71.3.005.

Original article

Theoretical Justification for Conducting Research on the Issue of Restrictions on Mobile Communications and Other Means of Communication as an Alternative to Imprisonment

VALERII F. LAPSHINUgra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, v_lapshin@ugrasu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>**SERGEI A. KHOKHRIN**Ugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, s_hohrin@ugrasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0900-1195>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the search for valid alternatives to imprisonment – punishment, which remains the basis of the entire system of establishing and implementing criminal liability. The processes of digital transformation of society have a significant impact on the specifics of the realization of individual rights, freedoms and legitimate interests, as well as form new “digital rights” for each person. Therefore, it cannot be ruled out that in the society of digital transformation, physical restriction in space will not be so painfully perceived by a criminal as the deprivation or restriction of access to network resources, through which the vast majority of rights and legitimate interests, the ability to perform work or provide services remotely, will be realized. *Methods:* comparative legal, empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods of content analysis and interpretation of legal norms. *Results:* the analysis shows that information and telecommunication tools and technologies are already playing a very important role in all spheres of life for people under the age of 25. Even the limitation of the time of using these funds is perceived by the experiment participants as extremely painful. The *purpose* of this work is to assess the importance of information and communication technologies, Internet resources and other means of digital communication. An experimental study of their importance in the complex spheres of human daily life is conducted. On this basis, it can be pointed out that it is promising to find an alternative to the physical isolation of a convicted person from society in the field of deprivation/restriction of access to information and telecommunication means of communication, digital services and other digital resources to ensure realization of the personal rights, freedoms and legitimate interests. *Conclusions:* it is promising to find an alternative to the physical isolation of a convicted person from society in the field of deprivation/restriction of access to information and telecommunication means of communication, digital services and other digital resources to ensure realization of the personal rights, freedoms and legitimate interests.

Keywords: humanization of criminal legislation; alternatives to imprisonment; digital transformation of society; digital means to ensure realization of the rights, freedoms and legitimate interests; spheres of human activity; social experiment; model of digital punishment.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Lapshin V.F., Khokhrin S.A. Theoretical justification for conducting research on the issue of restrictions on mobile communications and other means of communication as an alternative to imprisonment. *Penitentiary Science*, 2025, vol. 19, no. 3 (71), pp. 270–277. doi 10.46741/2686-9764.2025.71.3.005.

Вот уже более 15 лет в Российской Федерации реализуется политика гуманизации уголовного законодательства. Действующий УК РФ на момент вступления в силу отличался от УК РСФСР 1961 г. повышенной степенью карательного воздействия, что проявлялось во многих аспектах криминализации и пенализации. Но уже к началу XXI в. должностные лица высших органов государственной власти стали делать публичные заявления об ошибочности стремления решить проблему предупреждения преступности путем повышения строгости мер уголовной ответственности [1]. Более того, ужесточение наказания создавало условия для возникновения диа-

метрально противоположных результатов уголовно-правового реагирования. Лицо, которое в течение длительного времени подвергалось изоляции от общества на различных стадиях производства по уголовному делу, приобретало устойчивые асоциальные поведенческие установки. Это способствовало совершению новых преступлений, что фиксировалось положительной динамикой показателей рецидивной и профессиональной преступности в стране [2, с. 94–95; 3, с. 17–22].

Развитие информационных технологий коренным образом меняет жизнь человека, общества и государства. Внедрение в повседневную жизнь новых техно-

логий может оказывать значительное влияние как на формирование отдельных привычек личности, так и на трансформацию социальной среды в целом. В настоящее время информационно-телекоммуникационные сети стали без преувеличения частью жизни большинства людей. Без информационных ресурсов, равно как и средств их создания, обработки и передачи, уже не мыслим ни один производственный процесс.

Использование современных электронных технически сложных устройств оказывает влияние на обеспечение безопасности государства и, в частности, на предупреждение преступлений, реализацию различных видов наказаний. Формируются новые объекты уголовно-правовой охраны, происходит активное внедрение альтернативных видов наказаний. Все это реализуется на фоне неоднократных публикаций, формирующих политический курс, направленный на гуманизацию системы наказаний в Российской Федерации.

Анализ источников, описывающих проблематику системы уголовных наказаний, предусмотренных действующим УК РФ, позволяет сделать вывод, что обоснованное применение мер, ограничивающих права и свободы человека и гражданина, является одним из средств борьбы с преступностью. Так, в работе А. Н. Павлухина отмечается, что формирование сбалансированной системы наказаний, и условий их исполнения позволяет государству, в целом, эффективно выстраивать меры предупреждения преступлений [4].

Активное применение судами наказаний, не связанных с изоляцией, позволило значительно сократить число лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях. При этом, рассматривая группу осужденных к альтернативным видам наказания по видам, отметим, что на основании официально опубликованных данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2011–2024 год удельный вес осужденных к альтернативным лишению свободы наказаниям, несмотря на различную динамику показателей, не меняется на протяжении десятилетия. При этом количество осужденных, которым назначено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, не превышает 0,5 % от общего числа альтернативных наказаний [5]. Статистические данные позволяют провести дискуссию о своей объективности и менять значение основных криминологических показателей. Например, по мнению Городнянской В. В., уровень преступности – это величина относительная (выражаемая в процентах, промилле, коэффициентах) [6, с. 31–32].

Высказанное мнение подтверждается официальной позицией правоохранительных и судебных органов, отмечающих снижение показателей, зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений. Как отмечается в докладе Председателя Верховного Суда Российской Федерации И. Л. Подносковой, в 2024 г. 29 % лиц осуждены к реальному лишению свободы, а в отношении 71 % назначены альтернативные наказания, не связанные

с реальным лишением свободы, либо применены положения об освобождении от наказания [7].

В юридической литературе существует мнение, что система наказаний по существу определяет социальную эффективность уголовно-правовой политики любого государства [8]. Однако необходимо отметить, что независимо от вида назначаемого наказания, разнообразие видов наказаний не способствует снижению рецидива осужденных [9].

В соответствии со ст. 7 УК РФ наказания должны основываться на принципе гуманизма. При этом они не должны причинять физические страдания или унижать преступника. Заслуживает внимание мнение, высказанное в работах ряда ученых, которые, рассматривая систему и виды наказаний, отмечали важность группы наказаний, оказывающих морально-психологическое воздействие на осужденного [10]. В указанную группу принято относить только один вид наказания – лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Наказание носит «позорящий» характер, имеет морально-психологическое воздействие.

Отмеченное наказание применяется только в отношении определенной категории виновных, в отношении обычного человека не предусмотрено. В качестве исключения отметим такие наказания, указанные в ст. 21 УК РСФСР 1960 г., как общественное порицание и возложение обязанности загладить причиненный вред, носившие воспитательный и предупредительный характер. Если в отношении первого мы согласны с мнением А. В. Наумова о том, что данный вид наказания нарушает права и свободы человека [11], то в отношении обязанности загладить причиненный вред мы поддерживаем позицию А. В. Зубковой о том, что данный вид наказания мог бы сыграть важную роль в условиях рыночной экономики [12].

В условиях глобализации наказание, относящееся к группе морально-психологических, должно воздействовать таким образом, чтобы виновный мог осознать противоправность действий и исправить свое поведение, одновременно с учетом нарастающих условий цифровизации повседневной жизни. Как отмечает А. Н. Сухов, когда процессы цифровизации активно внедряются во все сферы деятельности человека, происходит смена сознания и социальных ценностей человека [13]. Следовательно, наказание, носящее воспитательный или предупредительный характер, должно соответствовать процессам глобализации.

Например, в рамках реализации карательной функции государства с учетом цифровых технологий происходит активное применение электронных браслетов, систем охранного телевидения, создание и использование различных баз данных, что позволяет существенно ограничить права и свободы виновного.

Несмотря на активное внедрение цифровых технологий в уголовную и уголовно-исполнительную политику государства, научных исследований по данной тематике недостаточно. Как отмечал А. Н. Савенков, «многие исследователи открыто заявляют о недостаточности (несовершенстве) использования

цифровизации в сфере действия уголовного законодательства, российское профессиональное сообщество продолжает оставаться безучастным к вопросу активизации его развития и де-факто игнорирует те благотворные последствия, которые появились благодаря последним возможностям его применения на практике» [14]. По мнению А. В. Серебренниковой, «некоторые аспекты развития уголовного законодательства в нашей стране, в том числе в сфере использования цифровых технологий при определении наказания и его исполнении, пока остаются в откровенно отсталом состоянии» [15].

Мы согласны с мнением Е. А. Русскевич о том, что уголовное право сконцентрировано на решении вопроса за что наказывать, а не как наказывать [16]. Справедливо отмечают по этому поводу М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, что вопрос о конструировании санкций является одним из наиболее дискуссионных и, к сожалению, наименее исследованных. При этом его сложность определяется множеством параметров не только уголовно-правового, но и уголовно-политического характера [17].

Рассматривая вопросы цифровизации, необходимо отметить незначительное количество работ по правовым вопросам. В разное время указанные аспекты рассматривались в работах Н. Ю. Гурьянова, Е. А. Истоминой, А. Е. Конькова, А. А. Косорукова, Л. В. Сморгунова и др. [18; 19].

Исследователи чаще всего рассматривают понятие «цифровое право». Как отмечает В. В. Архипов, «объединяет предметное единство по поводу разрешения с помощью юридических, технических и программных средств целого ряда системных вопросов использования интернет-пространства (юрисдикция, защита информации, виртуальная валюта и т. п.)» [20, с. 118–119]. Следовательно, объектом является регулирование общественных отношений в области использования информационных технологий, обеспечения защиты цифровых данных, регулирования пользования Интернетом и компьютерной средой.

Вместе с тем работ, описывающих возможность введения ограничений использования цифровых технологий как меры ограничения или как вида наказания, нам не удалось найти.

Рассматривая возможность использования цифровых технологий в системе наказания, необходимо отметить технические сложности в решении данного вопроса. Как отмечал Ю. А. Тихомиров, использование цифровых технологий в деятельности органов контроля за исполнением наказаний требует изменения самой системы наказаний [21].

Анализируя судебную практику, отметим появление приговоров, основанных на применении ст. 47 УК РФ, благодаря которой осуществляется попытка ограничения цифровых возможностей человека в качестве дополнительного наказания: лишение права заниматься деятельностью, сопряженной с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет (например, приговор Старооскольского городского суда Белгородской области от 16 октября 2017 г. по делу № 1-311/2017) [22], или лишение возможности пользования непосредственно самой

сетью Интернет (приговор Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан от 22 ноября 2017 г. по делу № 1-173/2017) [23].

В современных условиях довольно трудно представить подобное соотношение между физической и цифровой изоляцией человека. В 2023–2024 гг. нами проведено социологическое исследование, в котором приняли участие студенты и сотрудники Югорского государственного университета. Исследование проводилось на условиях добровольности, безвозмездности (материальной, образовательной и иной) и конфиденциальности. Цель состояла в установлении степени значимости сетевой коммуникации человека в современном обществе и ее влияния на качество жизни.

Процесс исследования включал три этапа. Во-первых, все участники проходили анкетирование по вопросам, которые выявляли степень значения в их профессиональной и повседневной жизни мобильной связи, информационно-телекоммуникационных сетей и иных цифровых средств создания, хранения и (или) обмена информацией.

Анкета включает в себя 18 вопросов, составленных с учетом результатов новейших отечественных и зарубежных социологических и психологических исследований в области гармонизации всех ключевых сфер жизни современного человека и степени удовлетворенности его потребностей (счастье). В широком понимании к таким сферам жизни относятся: семья, профессиональная деятельность, здоровье, дружба, хобби, финансовое благополучие [24–27].

Во-вторых, в течение недели участникам эксперимента предлагалось полностью отказаться от средств мобильной связи и информационно-телекоммуникационных сетей, прежде всего от Интернета. Они могли без ограничений пользоваться средствами обычной (проводной) телефонной связи для общения с абонентами как линейных, так и мобильных телефонных операторов. В течение этого периода каждый участник эксперимента обязался вести дневник, в котором ежедневно фиксировал положительные и отрицательные изменения, связанные с отказом от пользования указанными высокотехнологичными средствами. Особое внимание участники должны были обращать на изменения в части возможностей реализации своих прав, свобод и законных интересов, которые в повседневной жизни могут осуществляться с использованием средств мобильной и цифровой телекоммуникации.

В-третьих, после завершения второго этапа исследования среди участников, отказавшихся от пользования мобильной связью, информационно-телекоммуникационными сетями, включая любые интернет-ресурсы, проводился опрос о степени изменения уровня комфорта их жизни в условиях цифровой (само)изоляции от общества.

По итогам анализа результатов эксперимента формулировались выводы о значимости для современного человека цифровых технологий, в том числе обеспечивающих процессы коммуникации с иными представителями общества, юридическими лицами, органами и учреждениями государственной и муни-

ципальной власти. Также определялась перспектива пересмотра степени значимости социальных ценностей в обществе после завершения процесса цифровой трансформации, а следовательно, и возможность изменения системы наказаний, предусмотренной действующим уголовным законом.

В эксперименте на первом этапе приняли участие 50 человек (100 %), которые представляли возрастную группу от 18 до 25 лет. По результатам анкетирования установлено, что 84 % респондентов пользуются средствами мобильной связи более 5 лет. Телефонная книга у 20 % опрошенных насчитывает от 60 до 100 абонентских записей, а у 62 % – от 200 до 300 контактов, но в течение недели круг личного общения у 36 % респондентов составляет 11–19 чел., а у 54 % – 20–29 чел. Таким образом, современный человек имеет широкие возможности для общения со значительным количеством людей, непосредственно не контактируя с ними. Потребности непосредственного общения у большинства опрошенных удовлетворяются коммуникациями с относительно небольшим кругом людей: члены семьи, близкие друзья, незначительное количество студентов-одногруппников и др.

Данные анкетирования подтвердили крайне высокую интенсивность использования средств мобильной и интернет-связи для решения различных задач: общение, поиск информации, покупки, игры и иные развлечения, обучение, обращения в органы власти, творчество, планирование физических нагрузок, контроль состояния здоровья и др. Наиболее популярными по продолжительности пользования являются следующие виды деятельности, осуществляемые при помощи мобильного телефона или иного средства интернет-соединения (положительные ответы более чем у 75 % опрошенных):

- поиск информации на сайтах и иных интернет-ресурсах – до 4 часов в будний и до 2 часов в выходной день;
- общение с коллегами (работа/учеба) – до 2 часов в будний день;
- общение в социальных сетях и мессенджерах – до 3 часов в будний и до 4 часов в выходной день;
- просмотр фильмов, видеороликов и иного развлекательного контента – не менее 2 часов в выходной день;
- онлайн-игры – до 2 часов в выходной день;
- покупки, онлайн-заказы – не менее 1 часа как в будний, так и в выходной день.

На вопрос об общем времени разговора/сообщений с близким (любимым) человеком 64 % респондентов указали 3 часа в будние и 2 часа в выходные дни. Общение с друзьями у 32 % опрошенных составляет 1 час в будний и 3 часа в выходной день.

Бесконтактная (NFC) оплата и (или) оплата через специализированные приложения коммерческих банков с использованием функций смартфона применяется всеми участниками анкетирования. Наличные денежные средства при оплате товаров (работ, услуг) используются в исключительных случаях. 84 % респондентов указали на отсутствие у них необходимости в наличных денежных средствах. Наконец, все опрошенные отметили, что будут испытывать

сильное чувство дискомфорта при утрате телефона и содержащейся в нем информации, равно как и при ограничении доступа к ним в течение длительного времени.

Из 50 респондентов во втором этапе эксперимента согласились принять участие только 7 человек. Они подтвердили готовность отказаться от какого-либо использования смартфона или иного средства интернет-коммуникации в течение недели. Однако ни один из них не смог выполнить указанное условие. В первый же день 4 человека стали пользоваться телефоном, 2 – через два дня эксперимента, и 1 участник – на четвертый день эксперимента.

В ходе беседы со студентами, которые пытались в течение недели не пользоваться указанными средствами цифровой коммуникации, установлено, что подобный отказ крайне негативно отражается на всех сферах их жизни. Одной из главных причин отказа от продолжения участия в эксперименте, в том числе уже в первый день его проведения, стала невозможность нормального общения с близкими людьми. Ограниченность во времени общения, а также возникновение трудностей в использовании морально устаревших средств связи, оказались непреодолимым условием для респондентов, что обусловило досрочный отказ от продолжения участия в эксперименте.

Некоторые испытывали значительный дискомфорт от сокращения объема общения с друзьями и однокурсниками. По итогам участия в исследовании некоторые открыли для себя тот факт, что личное общение занимает в их жизни не так много времени, как общение на расстоянии. Один человек в процессе рефлексии признался, что личное продолжительное общение вызывает у него трудности и негативные эмоции в отличие от онлайн-общения с теми же людьми.

Все участники эксперимента отметили, что отказ от пользования мобильным телефоном крайне негативно отражается на материальной сфере их жизни: невозможность получения денег от родителей, трудности хранения наличных денежных средств и неудобство расчетов при покупке товаров, оплате услуг. Одна из участниц эксперимента сообщила, что испытывала чувство стыда и неполноценности, когда ей приходилось оплачивать проезд в маршрутном такси наличными денежными средствами, а не путем безналичных расчетов через мобильное банковское приложение.

В завершение опроса участники эксперимента подтвердили, что информационные телекоммуникации, реализуемые с помощью высокотехнологичных средств мобильной связи и интернет-ресурсов, являются для них одним из условий необходимого уровня качества жизни. По этой причине отказ от их использования даже на незначительный период порождает чувство неполноценности. Однако ограничения в области непосредственного общения с окружающими не вызывают ярко выраженной негативной реакции. Опрашиваемые вполне лояльно относятся к возможности дистанционного обучения и (или) трудовой деятельности даже на протяжении длительного времени – от 1 до 3 месяцев.

Полученные результаты указывают на то, что, несмотря на незавершенность процесса цифровой

трансформации, для современного человека информационно-коммуникационные технологии, интернет-ресурсы и иные высокотехнологичные средства коммуникации уже стали играть достаточно важную роль во всех сферах его жизнедеятельности. Даже ограничение времени пользования указанными средствами воспринимается крайне болезненно с точки зрения возможности реализации прав, свобод и законных интересов, совокупность которых формирует об-

щий правовой статус представителя современного общества. Это указывает на перспективность поиска альтернативы физической изоляции осужденного от общества в области лишения/ограничения доступа к информационно-телекоммуникационным средствам связи, цифровым сервисам и иным высокотехнологичным ресурсам, с помощью которых обеспечивается реализация прав, свобод и законных интересов личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубровина Е. С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. 2018. № 4. С. 161–172.
2. Гишинский Я. И. Криминология постмодерна. Неокриминология : моногр. СПб., 2021. 132 с.
3. Кунц Е. В. Некоторые вопросы предупреждения рецидивной преступности специально-криминологическими мерами // Вестник Югорского государственного университета. 2024. Т. 20, № 4. С. 17–23.
4. Павлухин А. Н. О гуманизации наказания в уголовном и уголовно-исполнительном праве России // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 142–145.
5. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2011–2024 год, данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (дата обращения: 18.04.2025).
6. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив : моногр. / под науч. ред. В. А. Уткина. М., 2012. 165 с.
7. Ежегодное совещание судей. Доклад Председателя Верховного Суда Российской Федерации Ирины Леонидовны Подносковой по итогам 2024 года. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/34240/ (дата обращения: 02.04.2025).
8. Санташов А. Л. Система и виды наказаний в уголовном законодательстве России: вопросы и ответы // Журнал прикладных исследований. 2023. № 1. С. 172–176.
9. Бабаян С. Л., Анфиногенов В. А. Анализ повторной преступности осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества и меры по ее профилактике // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 4 (44). С. 4–9.
10. Сундугов Ф. Р., Талан М. В. Наказание в уголовном праве : учеб. пособие. М., 2015. 256 с.
11. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. М., 2014.
12. Зубкова А. В. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика. М., 2002. 296 с.
13. Сухов А. Н. Социально-психологический анализ последствий цифровизации социальной сферы // Человеческий капитал. 2023. № 8 (176). С. 116–120.
14. Савенков А. Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.
15. Серебренникова А. В. Цифровизация исполнения наказания: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29 (1–4), № 1. С. 40–45.
16. Русскевич Е. А. Уголовное наказание и цифровые технологии: точка бифуркации // Государство и право. 2020. № 7. С. 77–84.
17. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики : моногр. М., 2014. 291 с.
18. Гурьянов Н. Ю., Гурьянова А. В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки. 2020. № 3. С. 63–69.
19. Сморгун Л. В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 88–99.
20. Архипов В. В. Интернет-право : учебник и практикум для вузов. М., 2023. 249 с.
21. Тихомиров Ю. А. Влияние цифровизации на компетенцию федеральных органов исполнительной власти // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 12. С. 90–94.
22. Приговор № 1-311/2017 от 13 октября 2017 г. по делу № 1-311/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pJ7wwERqEWYt/?ysclid=ltk9ubt567700831886> (дата обращения: 02.04.2025).
23. Приговор Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан от 22 ноября 2017 г. по делу № 1-173. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RyC2q8axRy1l/?ysclid=ltk9u588gh951604580> (дата обращения: 02.04.2025).
24. Гилязова О. С., Замощанский И. И., Замощанская А. Н. Образование и счастье: стратегии достижения счастья в контексте образовательной политики // Перспективы науки и образования. 2024. № 6 (72). С. 10–22.
25. Девврат С. А., Гуджрал Х. К., Бхатт Н. Д. Счастье как фактор, способствующий обучению в постпандемических высших учебных заведениях // Образование и саморазвитие. 2022. № 4 (17). С. 52–66.
26. Полюшкевич О. А. Социокультурные условия формирования счастья в общественном сознании // Социальное пространство. 2024. Т. 10, № 4. С. 1–11.
27. Kaur R. The relationship between managerial leadership and employee happiness: Evidence from private universities in Punjab // Organizational Psychology. 2023. Vol. 13, no. 4. Pp. 57–66.

REFERENCES

1. Dubrovina E.S. Humanization of criminal law as a trend of public development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 161–172. (In Russ.).
2. Gilinskii Ya.I. *Kriminologiya postmoderna. Neokriminologiya: monogr.* [Criminology of postmodernity. Neocriminology: monograph]. Saint Petersburg, 2021. 132 p.
3. Kunts E.V. Some issues of prevention of recurrent crime by special criminological measures. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Ugra State University*, 2024, vol. 20, no. 4, pp. 17–23. (In Russ.).
4. Pavlukhin A.N. About the punishment humanization in the criminal and criminal and executive law of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 10, pp. 142–145. (In Russ.).
5. *Osnovnye statisticheskie pokazateli sostoyaniya sudimosti v Rossii za 2011–2024 god, dannye Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii* [Key statistical indicators of the state of criminal record in Russia for 2011–2024, data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8942> (accessed April 18, 2025).
6. Gorodnyanskaya V.V. *Postpenitentsiarnyi retsdiv: monogr.* [Post-emergency relapse: monograph]. Ed. by Utkin V.A. Moscow, 2012. 165 p.
7. *Ezhegodnoe soveshchanie sudei. Doklad Predsedatelya Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii Iriny Leonidovny Podnosovoi po itogam 2024 goda* [Annual meeting of judges. The report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation Irina Leonidovna Podnosova on the results of 2024]. Available at: https://vsrf.ru/press_center/news/34240/ (accessed April 2, 2025).
8. Santashov A.L. The system and types of punishments in the criminal legislation of Russia: questions and answers. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied Research*, 2023, no. 1, pp. 172–176. (In Russ.).
9. Babayan S.L., Anfinogenov V.A. Analysis of the re-criminality of convicts sentenced to punishment and criminal law measures without isolation from society and measures for its prevention. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2018, no. 4 (44), pp. 4–9. (In Russ.).
10. Sundurov F.R., Talan M.V. *Nakazanie v ugovnom prave: ucheb. posobie* [Punishment in criminal law: textbook]. Moscow, 2015. 256 p.
11. Naumov A.V. *Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii: v 2 ch.* [Crime and punishment in the history of Russia: in 2 parts]. Moscow, 2014.
12. Zubkova A.V. *Ugovnoe nakazanie i ego sotsial'naya rol': teoriya i praktika* [Criminal punishment and its social role: theory and practice]. Moscow, 2002. 296 p.
13. Sukhov A.N. Socio-psychological analysis of the consequences of digitalization of the social sphere. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*, 2023, no. 8 (176), pp. 116–120. (In Russ.).
14. Savenkov A.N. Cybercrime in the financial and credit sector as a vector global security. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2017, no. 10, pp. 5–18. (In Russ.).
15. Serebrennikova A.V. Digitalization of sentences execution: state and prospects. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2021, vol. 29 (1–4), no. 1, pp. 40–45. (In Russ.).
16. Russkevich E.A. Criminal punishment and digital technology: bifurcation point. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2020, no. 7, pp. 77–84. (In Russ.).
17. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. *Problemy rossiiskoi ugovnoi politiki: monogr.* [Problems of Russian criminal policy: monograph]. Moscow, 2014. 291 p.
18. Gur'yanov N.Yu., Gur'yanova A.V. Digital globalization in the context of digital economy and digital technologies development. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Filosofskie nauki = Bulletin of the Moscow State Regional University. Philosophical sciences*, 2020, no. 3, pp. 63–69. (In Russ.).
19. Smorgunov L.V. Blockchain as institution of procedural justice. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 2018, no. 5, pp. 88–99. (In Russ.).
20. Arkhipov V.V. *Internet-pravo: ucheb. i praktikum dlya vuzov* [Internet law: textbook]. Moscow, 2023. 249 op.
21. Tikhomirov Yu.A. Impact of digitalization on the competence of federal executive authorities. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2018, no. 12, pp. 90–94. (In Russ.).
22. Verdict No. 1-311/2017 of October 13, 2017 in case No. 1-311/2017. *Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt)* [Online resource Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (Act)]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/pJ7wwERqEWYt/?ysclid=ltk9ubt567700831886> (In Russ.). (Accessed April 2, 2025).
23. Verdict of the Khasavyurt District Court of the Republic of Dagestan of November 22, 2017 in case No. 1-173. *Internet-resurs Sudebnye i normativnye akty RF (SudAkt)* [Online resource Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation (Act)]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/RyC2q8axRy1l/?ysclid=ltk9u588gh951604580> (In Russ.). (Accessed April 2, 2025).
24. Gilyazova O.S., Zamoshchanskii I.I., Zamoshchanskaya A.N. Education and happiness: strategies for achieving happiness in the context of educational policy. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2024, no. 6 (72), pp. 10–22. (In Russ.).
25. Devrat S.A., Gudzhral Kh.K., Bkhatt N.D. Happiness: a new perspective contributing towards learning for post-pandemic higher educational institutions. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self-Development*, 2022, no. 4 (17), pp. 52–66. (In Russ.).
26. Polyushkevich O.A. Socio-cultural conditions of happiness formation in public consciousness. *Sotsial'noe prostranstvo = Social Area*, 2024, vol. 10, no. 4, pp. 1–11. (In Russ.).
27. Kaur R. The relationship between managerial leadership and employee happiness: Evidence from private universities in Punjab. *Organizational Psychology*, 2023, vol. 13, no. 4, pp. 57–66.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВАЛЕРИЙ ФЕДОРОВИЧ ЛАПШИН – доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе и правовым вопросам Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, v_lapshin@ugrasu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ХОХРИН – доктор юридических наук, доцент, доцент Высшей школы права Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия, s_hohrin@ugrasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0900-1195>

VALERII F. LAPSHIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Vice-Rector for Research and Legal Affairs of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, v_lapshin@ugrasu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

SERGEI A. KHOKHRIN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Higher School of Law of the Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia, s_hohrin@ugrasu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0900-1195>

Статья поступила 02.04.2025